

История журналистики и литературной критики

УДК 82.09(470)

DOI: 10.28995/2686-7249-2025-10-14-23

Критик В.Я. Брюсов и советская литература
(статья «Вчера, сегодня и завтра русской поэзии»)

Михаил П. Одесский

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, modessky@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируется литературно-критическая деятельность В.Я. Брюсова в Советской России. Статья Брюсова «Вчера, сегодня и завтра русской поэзии» (1922) – одна из важнейших статей этого периода. Критик подробно рассматривает прошлое, настоящее и будущее русской поэзии, то есть символизм, футуризм и пролетарское искусство. В то же время композиция советской статьи Брюсова повторяет композицию книги Эллиса о русском символизме (1910). Эллис доказывал, что в истории символизма К. Бальмонт – это прошлое, Брюсов – это настоящее, Андрей Белый – это будущее. Напротив, Брюсов доказывает, что весь символизм (Бальмонт, Белый) – это прошлое. Однако критик Брюсов намекает, что истинное будущее литературы – это не пролетарское искусство, а поэзия самого Брюсова. Полемика Брюсова с пролетарским искусством совпала с борьбой против пролетарского искусства (теории А. Богданова), которую проводил В.И. Ленин.

Ключевые слова: советская литература, В.Я. Брюсов, статья «Вчера, сегодня и завтра русской поэзии», Эллис, пролетарское искусство, А.А. Богданов

Для цитирования: Одесский М.П. Критик В.Я. Брюсов и советская литература (статья «Вчера, сегодня и завтра русской поэзии») // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 10. С. 14–23. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-10-14-23

© Одесский М.П., 2025

Critic V. Bryusov and Soviet literature
(article “Yesterday, Today
and Tomorrow of Russian Poetry”)

Mikhail P. Odesskii

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
modessky@mail.ru*

Abstract. The article analyzes the literary and critical activity of V. Bryusov in Soviet Russia. Bryusov’s article “Yesterday, Today and Tomorrow of Russian Poetry” (1922) is one of the most important articles of this period. The critic considers in detail the past, present and future of Russian poetry, namely, symbolism, futurism and proletarian art. At the same time, the composition of Bryusov’s article repeats the composition of Ellis’ book on Russian symbolism (1910). Ellis argued that in the history of symbolism, K. Balmont is the past, Bryusov is the present, Andrey Bely is the future. On the contrary, Bryusov hints that all symbolism (Balmont, Andrey Bely) is the past. However, critic Bryusov hints that the true future of literature is not proletarian art, but the poetry of Bryusov himself. Bryusov’s polemic with proletarian art coincided with V. Lenin’s struggle against proletarian art (A. Bogdanov’s theory).

Keywords: Soviet literature, V. Bryusov, article “Yesterday, Today and Tomorrow of Russian Poetry”, Ellis, proletarian art, A. Bogdanov

For citation: Odesskii, M.P. (2025), “Critic V. Bryusov and Soviet literature (article ‘Yesterday, Today and Tomorrow of Russian Poetry’)”, *RSUH/RGGU Bulletin*, “History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies” Series, no. 10, pp. 14–23, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-10-14-23

Программная статья В.Я. Брюсова «Вчера, сегодня и завтра русской поэзии» (далее «ВСЗ») была напечатана в журнале «Печать и революция» (1922, № 7). Это журнал с установкой на обзоры художественной и научной литературы, который издавался с 1921 г. при Госиздате и редактировался В.П. Полонским, одним из авторитетных руководителей советской культуры.

Брюсов ответственно работал над пространной статьей, юбилейной – к пятилетию Октября. Еще в августе 1922 г. он уточнил в письме Полонскому свой замысел:

...написать о «нашей поэзии за 5 лет» оказалось куда хитрее, чем мне казалось. Во всяком случае, статья у Вас будет. Может быть, напишу не вполне на ту тему, какую Вы мне задали, то есть не дам *фактического* обзора за 5 лет, но зато сделаю очерк внутренней эво-

люции нашей поэзии за этот период. Надеюсь, на такую замену Вы согласитесь. (Конечно, в статье все же будут и имена, и факты, но не «история» и не «библиография».)¹

Иными словами, Брюсов намерен представить не традиционный «фактический обзор», но амбициозный «очерк внутренней эволюции нашей поэзии». Сдав статью в журнал, он продолжал заботиться о тексте, в октябре 1922 г. внимательно держал корректуру².

В «ВСЗ» Брюсов повторяет форму, выработанную в пору «Русской мысли», – «обзор целого ряда поэтических книг в рамках одной статьи»³. Эта форма предполагает, что, с одной стороны, статья дробится на характеристики стихотворений множества авторов, их сборников, поэм, изданных в 1917–1922 гг., а с другой стороны, она подчинена «общей линии» – в данном случае, так сказать, «хронологической триаде»: послереволюционные поэты разделены на три группы – как заявлено в заглавии, на «вчера, сегодня и завтра».

Поэты «вчера» – это символисты и акмеисты. Критик здесь наименее детален в анализе, совершенно не занимается поэтикой и выносит убийственный приговор прежним единомышленникам:

В эпоху Революции символисты вступили уже разбитой армией, потерявшей многих вождей и за последние годы не приобретшей ни одного ценного соратника. И все пятилетие 17–22 года не ознаменовано ни одним выдающимся произведением, которое было бы подписано именем поэта, находящегося в рядах символистов (с. 585).

Поэты «сегодня» – футуристы, описанные с симпатией: «Главными деятелями пятилетия были футуристы и вышедшие из футуризма течения» (с. 606). Брюсов – в отличие от случая символистов – внимательно разбирает теорию футуристов, заставившую осознать, что «язык – это материал поэзии и что этот материал может и должен быть обработан поэтами соответственно задачам

---

¹ Переписка с журналом «Печать и революция (1921–1923) / вступ. ст., публ., коммент. Т.В. Анчугова // Литературное наследство. Т. 98: Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 2 / отв. ред. Н.А. Трифонов. М.: Наука, 1994. С. 577.

² Там же. С. 578.

³ *Брюсов В.Я.* Среди стихов: 1894–1924: Манифесты, статьи, рецензии / вступ. ст., коммент. Н.А. Богомолова. М.: Советский писатель, 1990. С. 22; далее ссылки на это издание даются в тексте статьи – в скобках, с указанием страницы.

художественного творчества» (с. 593). Впрочем, критик дистантно оговаривает, что выдвижением этой программы роль футуризма «в русской литературе может считаться тоже законченной» (с. 607).

В разделе «Завтра» критик рассматривает пролетарских поэтов. Их идеология и тематика заранее предreshены общественной ситуацией, но – напоминает Брюсов – «в поэзии может существовать только оформленное содержание», а «для идей, выразителями которых желали стать пролетарские поэты, готовой формы не было» (с. 601). Приходилось искать и экспериментировать, однако «эта грандиозная задача ложилась на круг писателей, не имевших навыка в такой технической работе...» (с. 601). Составляя список лучших, критик руководствовался критерием самобытности и выбрал И.И. Садофьева, А.К. Гастева, В.Т. Кириллова, М.П. Герасимова, В.В. Казина. Ставить их в один ряд, например, с футуристами Брюсов не намерен, но, утешает он читателя, «чему суждено существовать долго, вырастает всегда неспешно» (с. 599), и «пролетарская поэзия – наше литературное “завтра”» (с. 607).

Согласно советскому семитомнику статья «является наиболее развернутым выступлением Брюсова-критика в советский период»⁴. Н.А. Богомолов привлек внимание к тому, что в заглавии этой статьи афористически сформулирован новый «мотив, ранее отсутствовавший или присутствовавший лишь беглыми упоминаниями, – мотив прогностический» (с. 29).

Цель данной статьи – уточнить специфику «прогностического» мотива в «ВСЗ», а это помогает осуществить выявление гипотетически присутствующего в статье полемического диалога с давним литературно-критическим выступлением символиста Эллиса.

* * *

В первое десятилетие XX в. Эллис (Л.Л. Кобылинский) заявил о себе как об одном из самых агрессивных критиков журнала «Весы» и как о ревнителе той символистской линии, которую проводил в «Весах» Брюсов. Итоговая книга Эллиса «Русские символисты» (М.: Мусaget, 1910)⁵ стала, по определению А.В. Лаврова, «первым опытом развернутого аналитического обзора философско-эстетических идей русской символистской школы и творчества ее крупнейших представителей» К.Д. Бальмонта, В.Я. Брюсова,

⁴ Брюсов В.Я. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 6: Статьи и рецензии 1893–1924 / авт. вступ. ст. Д.Е. Максимов; авт. примеч. Д.Е. Максимов, Р.Е. Померчий. М.: Художественная литература, 1975. С. 638.

⁵ Цит. по: Эллис. Русские символисты: Константин Бальмонт. Валерий Брюсов. Андрей Белый. Томск: Водолей, 1996. 288 с.

Андрея Белого⁶. Однако обзор Эллиса имеет – при всем богатстве литературной конкретики – не только историко-аналитический, но и полемический, публицистический характер. В частности, полемический запал выражается в оценке исторического места трех выбранных писателей (каждому из которых посвящена специальная глава).

Заключительная глава «Символизм и будущее» показывает развитие русского символизма как соотношение и борьбу двух начал: «Мы отметили также и существенную разницу между символизмом как “школой нового искусства”, и символизмом как “новым мирозерцанием” и исканием новых, первичных критериев культуры <...>»⁷. Эллис исповедует веру в «великое, мировое будущее символизма»⁸, поскольку символизм способен стать «новым мирозерцанием» («теургизмом и универсальным синтезом»⁹), а такого рода ожидания требуют считать творчество Белого – «будущим», Брюсова же, с его поэзией «символической по существу»¹⁰ – всего лишь «настоящим».

С этой точки зрения Эллис подытоживает анализ в «Общей схеме развития русского символизма»¹¹. Здесь в трех вертикальных столбцах помещены имена Бальмонта, Брюсова, Белого; в горизонтальных строках – восемнадцать параметров, по которым различается творчество трех мэтров символизма; в конечной восемнадцатой строке – «Историческое место в развитии символизма» – Эллис так заполняет таблицу: Бальмонт – «Прошлое символизма», Брюсов – «Настоящее», Белый – «Будущее».

А.В. Лавров, подробно рассмотрев в статье «Брюсов и Эллис» повороты их отношений, в частности, констатировал: «К сожалению, мы не располагаем более или менее определенным по своим оценкам отзывом Брюсова об этой книге («Русские символисты» – М. О.)» [Лавров 2007, с. 137]. Однако, похоже, Брюсов лишь внешне сохранял спокойствие, и если гипотетически предположить, что при написании «ВСЗ» он продолжал помнить о «Русских символистах», то статья 1922 г. предстает в новом свете.

Во-первых, архитектоника двух текстов – книги и статьи – очевидно перекликается. У Эллиса – «прошлое», у Брюсова – «вчера»;

⁶ Андрей Белый: pro et contra / сост., вступ. ст., коммент. А.В. Лаврова. СПб.: РХГИ, 2004. С. 929.

⁷ Эллис. Русские символисты... С. 279.

⁸ Там же. С. 287.

⁹ Там же. С. 276.

¹⁰ Там же. С. 154.

¹¹ Там же. С. 274–275.

у Эллиса – «настоящее», у Брюсова – «сегодня»; у Эллиса – «будущее», у Брюсова – «завтра».

Разумеется, допустимо возразить, что сходство здесь – случайное и что для современников Брюсова ситуация победившей революции сама по себе диктовала логику «до» и «после». Тем не менее, по наблюдению Н.А. Богомолова, Брюсов-критик – после «Весов» – обыкновенно удовлетворял свою «классификаторскую страсть», просто разделяя «поэзию на направления, течения, группы, школы и пр.» (с. 25), напротив, в «ВСЗ» этот прием подчинен «хронологической триаде», которая почти неизбежно выглядит как аллюзия на книгу Эллиса.

Во-вторых, коль скоро в статье 1922 г. содержится аллюзия на Эллиса, она означает не столько подражание давней книге, сколько литературную полемику (свидетельствуя о ее травматической актуальности для автора статьи).

Хотя Эллис предлагал прогностическую интерпретацию лишь символизма, но, учитывая, что другой литературы для него не существовало, в его случае можно отождествить символизм с русской литературой. Тогда получается, что если для Эллиса «прошлое» – символизм по Бальмонту, «будущее» – «теургический» символизм по Андрею Белому, то для Брюсова весь символизм отнюдь не «новое миросозерцание», а лишь литературная школа, которая (кроме самого автора «ВСЗ») стала безвозвратным прошлым. Потому во «вчера» помещены как нещадно очерняемый Бальмонт – «заурядный графоман» (с. 586), так и Белый, которого, как выясняется, только ангажированные участники недобросовестной критической «кампании» называли «создателем новой эпохи в литературе» (с. 584).

Возникает вопрос: какое же «историческое место» в своей триаде отводит Брюсов-критик Брюсову-поэту? Это – не традиционный символизм, не футуризм и уж никак не «пролетарская поэзия».

О собственном творчестве Брюсов упоминает в лаконичном предисловии, предваряющем разделы:

Но здесь, в предисловии, позволю себе сказать, что действительно признаю, поскольку способен критически отнестись к себе, и свои стихи 1912–1917 гг. не свободными от общих недостатков символической поэзии того периода. Но, продолжая столь же откровенно, думаю, что некоторых роковых для символизма путей мне удалось избежать и что мои стихи следующего пятилетия («В такие дни», 1920 г.; «Миг», 1922 г.; «Дали», 1922 г.) выходят на иную дорогу (с. 574).

Сопоставив эту скромную автохарактеристику с рассуждениями о «завтра», можно прийти к отнюдь уже не скромному за-

ключению. Действительно, «в поэзии может существовать только оформленное содержание», а у пролетарских писателей в данный момент нет «навыка в такой технической работе» (с. 601); напротив, послеоктябрьские стихотворения Брюсова «выходят на иную дорогу»; следовательно, согласно Эллису, Брюсов – поэт «настоящего», а согласно Брюсову – поэт «завтра».

Предисловие к упомянутому Брюсовым сборнику «Дали» раскрывает то, что в статье подразумевается под «иной дорогой». В предисловии Брюсов признает, что в его стихотворениях часто встречаются «термины из математики, астрономии, биологии, истории и других наук, а также намеки на разные научные теории и исторические события», но считает такую практику не промахом, а достижением: «Все, что интересует и волнует современного человека, имеет право на отражение в поэзии»¹².

В примечаниях к семитомнику было указано на преемственную связь послеоктябрьской декларации в «Далях» с идеей «Научной поэзии», заявленной еще в одноименной статье 1909 г. («Русская мысль», 1909, № 6)¹³. Однако М.Л. Гаспаров, именовавший поэтику позднего Брюсова «академическим авангардизмом», справедливо утверждал, что автор «Далей» старался разрабатывать «ни много ни мало как новую систему образного строя, которая могла бы лечь в основу всей поэтики новой эпохи человеческой культуры, начавшейся в XX в. мировой войной и русской революцией»: «Мифологическую картину мира Брюсов заменял научной картиной мира, т. е. составленной из терминов точных наук, из исторических имен и географических названий» [Гаспаров 1995, с. 238].

Результатом соположения «Далей» с «ВСЗ» становится почти манифест. «Иная дорога» будущей советской литературы прокладывается не пролетарским происхождением, а синтезом: 1) революционной идеологии, 2) способности откликаться на то, что «интересует и волнует современного человека», и 3) профессиональными навыками в «технической работе» стихотворца.

Такое толкование дает возможность подобрать ключ к тайне «ВСЗ». Ведь даже те, кто занимался Брюсовым-критиком в советские времена, не скрывали амбивалентного впечатления, которое производит эта статья. Д.Е. Максимов в 1975 г. замечает: «В некоторых случаях стремление Брюсова к фронтальной ревизии

¹² *Брюсов В.Я.* Собрание сочинений. Т. 3: Стихотворения 1918–1924 / Подгот. текста М.В. Васильев, А.А. Козловский, Р.Л. Щербаков; авт. примеч. М.В. Васильев, М.Л. Гаспаров, В.Ф. Земсков, А.А. Козловский, Р.Л. Щербаков. М.: Художественная литература, 1974. С. 571.

¹³ Там же. С. 572.

современной ему поэзии приводит его к явно несправедливым суждениям – например, в его отчужденно неодобрительном отзыве о Блоке...»¹⁴. Н.А. Богомолов в 1990 г. высказался более жестко, особенно об оценке пролетарской поэзии:

С сегодняшней точки зрения такая позиция Брюсова не может не выглядеть странной; неужели на самом деле он, испытанный мастер стиха, умевший ценить в литературе и то, что было ему абсолютно чуждо, не видел поэтических достоинств сборников Блока или Мандельштама <...> Нам представляется, что причины подобных ответов <...> состоят в отчетливо публицистической природе критики Брюсова в эти годы. <...> Автор уже не столько исследовал литературный процесс (хотя его статьи по-прежнему оставались насыщены многочисленными анализами и разборами), сколько старался угадать то направление его развития, которое соответствовало бы представлениям широких социальных масс (выразителями позиции которых он не мог не считать пролетарских поэтов) (с. 30–31).

Если Брюсов полагал, что пролетарии – лишь местоблюстители литературного «завтра», а законный претендент – он, Брюсов (когда-то обделенный Эллисом), то «явно несправедливые суждения» в адрес достойных современников и двусмысленные похвалы пролетарским поэтам не просто публицистика, но сопутствующие потери в борьбе за величественную вакансию.

Наконец, в-третьих, «ВСЗ» отличается от «Русских символистов» тем, что в советском контексте концепция «завтра» обретает конкретно-политическое измерение.

Пролетарская поэзия, вызывавшая равнодушную реакцию Брюсова, базировалась на Пролеткульте – массовой организации рабочих. Созданный за несколько дней до Октября 1917 г., Пролеткульт ставил перед собой широкие культурно-просветительские задачи и основывался на идеях А.А. Богданова, Богданов же был некогда авторитетным большевистским вождем и одновременно непримиримым оппонентом В.И. Ленина. Пока шла Гражданская война, у Предсовнаркома руки не доходили до Пролеткульта, но затем Ленин обнаружил, что прежний соперник успел сформировать собственную влиятельную школу. Перспектива конкуренции казалась вполне реальной¹⁵.

¹⁴ Брюсов В.Я. Собрание сочинений. Т. 6. С. 21.

¹⁵ Подробнее см.: Богданов А.А. Пять недель в ГПУ / авт. вступ. ст., коммент. М.П. Одесский, Д.М. Фельдман // De visu. 1993. № 7. С. 28–43; см. также: [Карпов 2009, с. 98–119].

В 1920 г. началась ленинская интрига против возможных конкурентов, завершившаяся письмом ЦК партии «О пролеткультах» («Правда», 1920, 1 декабря). Организация всегда финансировалась из бюджета Наркомпроса, а состав Президиума ЦК Всероссийского Пролеткульта утверждало Политбюро ЦК РКП(б), однако теперь пролеткультовских лидеров обвинили в стремлении к автономии от партии и государства.

Наступление ленинского руководства продолжалось, сторонники Богданова из Пролеткульта были удалены или «перестроились», организация была жестко подчинена правительству, советская культурная политика корректировалась. Я.А. Яковлев, влиятельный сотрудник аппарата ЦК, в октябре 1922 г. – как раз когда Брюсов сдавал «ВСЗ» – напечатал в «Правде» статью «О “пролетарской культуре” и Пролеткульте», которая была прямо инспирирована Лениным и суммировала претензии к продолжателям линии Богданова.

В подобной ситуации манифест Брюсова (который административно не зависел от Пролеткульта и никогда не разделял идеи исключительно пролетарской природы революционной культуры) выглядел как своевременная альтернатива богдановской программе и как попытка выступить в роли первого поэта. Летом 1922 г. – когда писалась статья «ВСЗ» – у проекта, возможно, намечался административный базис. Брюсов был способен снова сгруппировать вокруг себя литераторов нового поколения, благо он активно общался с молодыми писателями.

В практическом плане проект не удался. Можно указать различные причины, но одновременно с «ВСЗ» – сентябрь 1922 г. – Троцкий приступил к изложению принципов литературной политики в серии «правдинских» статей, спешно собранных в книгу «Литература и революция» (1923). В 1922–1923 гг. рекомендации Троцкого имели официальный статус и были приняты к исполнению (вскоре вождь попал в оппозиционеры, впрочем, это – другой историко-литературный сюжет).

* * *

Итак, в 1910 г. обобщающая книга Эллиса «Русские символы» не вызвала открытых возражений Брюсова, но позднее он – в ответственной советской статье «ВСЗ» – продолжил подспудный диалог. Используя сходный архитектурный прием «хронологической триады», Брюсов вместе с тем построил концепцию, альтернативную Эллису. Символизм теперь отнюдь не «будущее», а «вчера» русской литературы. Место «будущего» («завтра»), казалось бы, передано пролетарской поэзии, однако при вниматель-

ном чтении статьи истинным революционным «завтра» выступает Брюсов-поэт, давно преодолевший символизм и нашедший «иную дорогу», которая к тому же соответствует конкретному литературно-политическому моменту.

Литература

Гаспаров 1995 – *Гаспаров М.Л.* Избранные статьи. М.: Новое литературное обозрение, 1995. 478 с.

Карпов 2009 – *Карпов А.В.* Русский Пролеткульт: идеология, эстетика, практика. СПб.: СПбГУП, 2009. 260 с.

Лавров 2007 – *Лавров А.В.* Русские символисты: этюды и разыскания. М.: Прогресс-Плеяда, 2007. 632 с.

References

Gasparov, M.L. (1995), *Izbrannyye stat'i* [Selected articles], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.

Karpov, A.V. (2009), *Russkii Proletkul't: ideologiya, estetika, praktika* [Russian Proletkult. Ideology, aesthetics, practice], SPbGUP, Saint Petersburg, Russia.

Lavrov, A.V. (2007), *Russkie simvolisty: etyudy i razyskaniya* [Russian symbolists. Studies and research], Progress-Pleyada, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Михаил П. Одесский, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; modessky@mail.ru

Information about the author

Mikhail P. Odesskii, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; modessky@mail.ru